

ЧЕМ ШИРЕ ДИСКУССИЯ, ТЕМ ЛУЧШЕ ЗАКОН

Владимир ПЛАТОНОВ, председатель Московской городской думы

В последнее время по Москве ползут слухи: в Московской городской думе что-то не так. Вроде как представители одной партии узурпировали законодательный орган, принимают какие-то дискриминационные поправки в устав Думы, оттесняют депутатское меньшинство от продуктивного законодательства. Я готов развеять эти опасения.

В МГД всегда были представители различных партий. И сегодня 20 человек вошли в нее по партийным спискам, а 15 – по мажоритарной системе. Поэтому определенная политизация рабочего процесса есть. Но то, что она отрицательно сказывается на

работе Думы, – неправда. Каждый депутат работает так, как от него требует его партия и его избиратели. Явка на заседания сегодня гораздо выше, чем в думах прошлых созывов. Менее 30 человек никогда не регистрируется. Кворум бывает всегда. Единоразового голосования у нас никогда не было, но это я считаю нормальным явлением.

Активность фракций в МГД разная. Например, от КПРФ в повестку дня пока еще не внесено ни одного вопроса. Но это не повод для упрека в их адрес или вывода о том, будто коммунистов затирают на заседаниях, мешают им реализовывать наказания избирателей. За 12 лет работы МГД

были случаи, когда некоторые депутаты за весь срок пребывания в парламенте не внесли ни одной законодательной инициативы. И это никак не сказалось на ее работе.

Другой пример. По инициативе фракции «Яблоко» было подготовлено обращение о ненужности и несвоевременности затеи с переносом некоторых федеральных органов власти в Санкт-Петербург. Мы, не являясь горячими сторонниками переноса каких-либо функций федеральной власти в другой регион, все же проголосовали против принятия такого обращения. Никакой политической подоплеку у этого решения нет, просто яблочки не подготовили его надлежащим образом. Ведь это не политический, а экономический вопрос. И каждую инициативу необходимо скрупулезно проработать. Чем шире дискуссия, тем больше гарантии того, что решение будет принято мудрее.

Да, не всегда наша работа приносит желаемый результат. Например, не все поправки МГД во-

шли в новый Жилищный кодекс РФ. Я не могу сказать, что это зло. Во-первых, федеральные законы принимают не только для Москвы, но и для всей России. Во-вторых, федеральное законодательство еще не достигло такого совершенства, чтобы учитывать всю специфику каждого из 88 регионов страны. Но это не причина для демаршей протеста. Сейчас мы продолжаем инициировать поправку о внесении изменений в ЖК РФ, чтобы отдалить срок окончания приватизации жилья и перенести его на 2009 год. Это пример нашего влияния на федеральное законодательство. В остальных случаях мы исполняем его, несмотря на то что оно жесткое и не всегда вписывается в жизнь столицы.

Я не согласен с утверждением, что МГД не защищает нас от самоуправства, например, строителей. Нынешнее московское законодательство позволяет отстаивать права москвичей. Пользуясь им, мы дошли до суда и выигрывали дела, приостанавливали решения исполнительной вла-

сти, если они были незаконны. Сегодня в столице нельзя строить дома по принципу «хочу – не хочу». Это можно делать только законно или незаконно. Допустим, вы выкупили какой-то детский садик, получили заключение санитарной станции, что там нельзя содержать детей, а можно только чиновников. Но это не значит, что вы сможете снести здание и построить на этом месте небоскреб. Это нецелевое использование земли.

Нет органов власти, независимых друг от друга. МГД зависит от экономических заключений, которые вносит мэр. Правительство полностью зависит от закона, принятого нами. Судьи зависят от нашего согласия на их назначение, а мы – от решения суда. В Конституции есть только один пункт, который определяет, в каких взаимоотношениях между собой находятся органы власти. Это часть 2 статьи 10 Конституции РФ. Но там говорится о самостоятельности ветвей власти. Да, все мы полностью самостоятельны в своей работе. Этот свя-

той конституционный принцип в Москве соблюдается. Но никакой независимости просто быть не может.

Мы продолжаем совершенствовать свою работу. Например, уменьшили количество комиссий. Зато подняли их статус. Теперь любой законопроект сначала обсуждается на комиссии и только потом выносится на заседание Думы. Мы исключили из устава города одно из полномочий МГД – право заниматься толкованием законов. Если закон неясен, то в него надо внести изменения, прояснить текст, но не толковать.

Городской парламент должен быть представительным, законодательным органом власти, а не местом, где собираются поболтать и обсудить какие-то проблемы. Поэтому мы не тратим время на обсуждение тем, не входящих в повестку заседания. Помните бесподобную формулировку: «надо поставить вопрос»? Зачем его ставить? Проблемы надо решать законным образом! Московская городская дума – дорожный юридический институт, и мы не имеем права работать вхолостую.

Год назад на страницах «МС» был опубликован мой комментарий, посвященный всплеску инфляции в начале 2005-го. Тогда, если помните, только в январе рост цен составил 2,6 процента. Сегодня мы имеем примерно то же самое. За два месяца инфляция в России составила более 4 процентов, выбрав фактически половину из «отпущенного» ей бюджетом-2006. Ведь, по официальным прогнозам, инфляция в нынешнем году не должна превысить 8,5 процента.

Особенно резко подорожало продовольствие: мясо, соль, сахар... По традиции выросли цены на коммунальные услуги. Оттого и вывод можно сделать тот же самый: правительству так и не удалось добиться макроэкономической стабилизации, на altar которой последние 15 лет приносили все – и низкие зарплаты, и смешные пенсии, и замораживание всевозможных выплат...

Можно понять Михаила Фрадкова, который заявил, что невыполнение запланированных параметров по инфляции будет рассматриваться как профнепригодность руководителей профильных министерств. Ведь министры финансово-экономического блока фактически ничего не делают для обуздания инфляции. Христенко, Греф и Кудрин не выполнили даже поручение об организации еженедельного мониторинга. Куда уж дальше?

Фрадкову терять нечего, поскольку за

МЕТАСТАЗЫ ИНФЛЯЦИИ

Руслан ГРИНБЕРГ, директор Института международных экономических и политических исследований РАН, профессор

рост цен с него жестко спрашивает президент. С другой стороны, председатель правительства не является сторонником однофакторного подхода к инфляции, как министр финансов или председатель Центробанка. Это они предпочитают наращивать денежную массу, стерилизуя ее в Стабилизационном фонде. Фрадков все-таки демонстрирует здесь больше сбалансированности, в некотором смысле не беря на себя ответственность за то, что нефтяная «подушка» только пухнет день ото дня и не работает на производство. А слабое, неразвитое производство и есть первопричина инфляции.

Речь действительно надо вести о непрофессионализме некоторых правительственных чиновников. Они лезут не теми лекарствами. Непрофессионализм их в том, что который год не удается создать атмосферу конкурентных

рынков, когда все везде есть и никто не может злоупотреблять рыночной стихией, без всяких на то оснований завышая цены. Ну, представьте себе ситуацию, когда любого товара на рынке хоть завалить, а вы в своем магазинчике вдруг вышагаете на него цену. Ясно, что эта попытка не обернется для вас ничем хорошим, вы потеряете своего покупателя.

Если же у вас в руках региональные, областные монополии, то любую нехватку – искусственную или естественную – можно использовать для взвинчивания цен. Тем более что они у нас свободны.

Причина того, что мы наступаем на те же грабли, еще более очевидна, чем в прошлом году. Это монополю-ценовой фактор, никак не связанный с фактором денежной массы. Принято ошибочно считать, что рост цен связан только с повышением спроса. На самом деле, если существуют монопольные тенденции (а они у

нас существуют сплошь и рядом, как встроенный элемент экономики!), то при любой возможности монополисты повысят цены.

В этих условиях правительство должно более жестко регулировать аппетиты естественных монополий. Формально оно к этому пожеланию прислушивается, фактически – нет. Монополизм – это раковая опухоль на теле нашей экономики.

Что касается роста цен на продукты, то он может быть обусловлен либо их естественной нехваткой, либо искусственной. В каждом случае надо разбираться отдельно. Но совершенно ясно, что это не связано с повышенным спросом.

Докажут ли чиновники свою профпригодность сейчас, если не докажут ее до сих пор? Я в этом сомневаюсь. К тому же министры не обязаны следить за ценообразованием в своих отраслях, потому как ценообразование у нас свободное. Думаю, решающая роль здесь за антимонопольным ведомством.

С другой стороны, в отдельных отраслях надо вовремя включать административные рычаги. Это, например, касается увеличения квот на мясные поставки, чтобы сбить цены на ту же говядину и свинину.

Подчас, чтобы приостановить инфляцию, необходимо и замораживание цен, какой бы антирыночной мерой это ни казалось. Не надо бояться упреков со стороны идеологических либералов, кото-

рые никогда и ничего в этой жизни не понимали. Как говорили китайские вожди, неважно какого цвета кошка – лишь бы она мышей ловила. В некоторых случаях, знаете ли, не до идеологии.

С другой стороны, заморозить цены, как показывает опыт, можно только временно. Регулировать цены надо для того, чтобы успокоить рынок. На самом деле необходимо больше заботиться о предложении. А заботиться можно по-разному. Можно путем увеличения импорта, что хорошо для потребителя, но плохо для национальной экономики. А можно и развивая собственное производство, чем наше правительство тоже мало занимается. Ведь проблема, по большому счету, не в том, какая инфляция будет за год – 8,5 или 10 процентов (хотя двузначная инфляция изначально считается плохой). Главное, чтобы в стране была экономическая активность! Если есть серьезный экономический рост даже при 10-процентной инфляции, такая инфляция оправдана.

Так что об истинном профессионализме правительственных чиновников надо судить по наличию экономической активности, и не только в сфере ТЭК. Если будет мощная торговая экспансия, сбивающая цены, перестанет прогрессировать и инфляция. Иных способов победить ее нет. Правительство должно реально заботиться об инфраструктуре рынка и тщательном регулировании импорта. В этом и будет его профессионализм.

СЛОБОДАН - ЗНАЧИТ «СВОБОДНЫЙ»

Александр ЧУДАКОВ, корреспондент «Московской среды»

Умер Слободан Милошевич. Друже Слобо – так называли этого человека не только личные друзья, но и простые сербы.

Он не был ни небожителем, ни исчадием ада. Милошевич был просто честным человеком, совершившим при этом немало промахов и ошибок. Но – искренне и убежденно, никогда никого не предав и ни разу не спутав личный карман с государственным. Может быть, именно этим он так и бесил ревнителей «общечеловеческих ценностей».

Мы сегодня пребываем в мучительных поисках национальной идеи. У сербов эта идея выстрадана веками, в пожарах деревень и православных соборов, под свист яничарских ятаганов. И в начале прошлого века она воплотилась в историческую реалию созданием независимого государства южных славян. Слободан Милошевич, последний президент этого государства – Юго-

славии, как мог, как умел, защищал его от гибели и распада.

Чем была Югославия для России? Чем была Россия для Югославии?

Вспоминаю трагический март девяносто девятого. Ультиматум Запада категоричен: немедленно вывести югославские войска из Косова и Метохии, у международной признанной неотъемлемой части Югославского государства. Выполнение этого требования влекло за собой одно: начало немедленной резни и истребления тысяч косовских сербов, что и произошло впоследствии. К тому времени, кстати, банды шиптарей – косовских албанцев – уже неоднократно демонстрировали свою «веротерпимость» и религиозную «толерантность». В так называемой Армии освобождения Косова длинный отточенный нож называется сербосек. В переводе это слово, думаю, не нуждается. Слободан Милошевич ответил

твердым «нет». И началось избивание...

Югославская армия дралась, и дралась доблестно, схватившись один на один со всей машиной НАТО. В этом заведомо обреченном ожесточении, наверное, и крылось что-то сакрально-славянское, чего не понять ни американцам, ни англичанам. Это – как рыком рубаху на груди, от ворота...

Я помню всполохи ночных взрывов, зарев над Земуном, низко-низко подлетающие к городу «томагавки». И не покидало фантазмагорическое чувство, что я – в осенней Москве сорок первого...

И в центре этой сумасшедшей круговерти чувств – гнева, радости, боли, слез, надежд – был он, президент Югославии Слободан Милошевич.

«Нам надо еще немного потерпеть, продержаться». – «И что потом?» – «Потом все закончится. Русские придут на помощь. Совсем скоро, может быть, завтра. Русские же не дадут нас всех тут перебить...» Этот разговор двух женщин я случайно подслушал в магазине на окраине Белграда. И впервые в жизни не захотел, чтобы во мне признали русского...

Россия была частью сербской национальной идеи. С горечью пишу «была», потому что череда

половинчатых невнятных официальной Российской Федерации в балканской политике, увя, сделала, наверное, свое дело. «В небесах – Господь, на земле – Россия» – не пропагандистский лозунг, а народная поговорка, корнями уходящая в века. «В бою не праздной труса, верь в бога и руса...» – это тоже оттуда же.

Первое горькое разочарование в верности и надежности старшего брата сербы получили в мае девяносто второго года, во время боснийского кризиса – благодаря действиям гайдаровско-kozyrevской камарильи. Тогда на голосовании в Совете Безопасности ООН по поводу введения санкций против Югославии воздержались только Китай и Зимбабве. Ельцинская Россия послушно проголосовала «за»...

В девяносто девятом все уже не казалось таким беспроблемным. Разворот Примакмовым самолета над Атлантикой – это поступок политика и мужчины. Жак Ширак, пожалуй, самый трезвомыслящий из западных лидеров той поры, связался с нашим премьером и попросил его экстренно вылететь в Белград. «Убедите Милошевича сделать немедленно хоть какие-то уступки, и, я думаю, войну можно будет предотвратить», – сказал французский президент. «Не-

медленного создания контактной группы будет достаточно?» – «Думаю, вполне...»

Милошевич, к приятному удивлению Евгения Максимовича, согласился на гораздо большее. Сербия согласилась на деятельность различных международных организаций в Косове, на экстренные консультации и трехсторонние переговоры. Но Запад этого словно не заметил. Теперь он уже настаивал на вводе в Косово войск НАТО – «для установления мира и стабильности».

Последний отчаянный ход Милошевича: «Мы согласны на ввод международных миротворческих сил. Но наш народ не будет считать оккупационными только войска российские или... белорусские...»

Семьдесят шесть дней носители демократических идеалов убивали маленькую Югославию, создавая на исходе двадцатого века гетто в центре сытой и благополучной Европы. Горели Милановац, Раковица, Ниш, Ужице...

Милошевичу все же удалось добиться главного – предотвратить оккупацию своей страны. А надежды на Россию, выступающую с невнятными политическими декларациями, в очередной раз обернулись пшиком. Измена ждала Милошевича дома. «Правильное» правительство Коштуницы в нарушение югославских же законов выдало экс-президента гаагскому трибуналу.

Даже недруги признавали, что отказавшийся от адвоката Милошевич защищался блестяще, одно за другим разрушая надуманные обвинения, чем в итоге, по сути, завел судилище в тупик!

А Россия получила еще одну пощечину. И снова утерлась. Когда, как теперь выяснилось, смертельно больной Слободан Милошевич попросился на лечение в Москву, российское правительство дало трибуналу официальные гарантии его возвращения после лечения. Я помню искреннюю и горячую речь Юрия Михайловича Лужкова, который был готов принять экс-президента в нашей столице, окружить его всемерной заботой, теплом и вниманием. От России просто отмахнулись. Как от надоедливой мухи. Может быть, именно этого не выдержало сердце Слободана, верного, истинного друга и союзника нашей страны, нашего народа...

Слободан по-сербски означает «свободный». Сегодня он воистину свободен. Свободен от суда в той стране, чья эпатирующая мир демократия позволяет торговать на улице наркотиками и венчать в церквях однополых брачующихся, но не разрешает отпустить на лечение смертельно больного немолодого человека.

Сейчас Милошевич стоит перед другим судом. Где судят по деяниям перед собственной совестью, своей страной и своим народом.